Канун Всех Святых

Автор:
Рэй Брэдбери

Канун Всех Святых

Рэй Дуглас Брэдбери

Серебряная коллекция фантастики

Такого дерева вы не видели никогда в жизни. Оно достигает вершиной небес, и растут на нем тыквы всех форм, размеров и цветов. Возле этого дерева вы встречаете странного господина по имени мистер Смерч, и он увлекает вас в чудесное путешествие, из которого вы вернетесь совсем другим человеком – если вернетесь…

Рэй Брэдбери

Канун всех святых

© М. Ковалева, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

С любовью – мадам Манья Гарро-Домеаль, которую я встретил двадцать семь лет назад на кладбище в полночь на острове Жаницио, что на озере Пацкуаро, в Мексике, и которую я вспоминаю каждый год в День мертвых.

Тише-тише!.. Тихо, неслышно. Скользите, крадитесь.

А зачем? Почему? Чего ради? Как! Когда? Кто! Где началось, откуда все пошло?

– Так вы не знаете? А? – спрашивает Череп-Да-Кости Смерч, восставая из кучи сухой листвы под Праздничным деревом. – Значит, вы совсем ничего не знаете?

– Ну-у… – отвечает Том-Скелет, – это… не-а.

Было ли это в Древнем Египте, четыре тысячи лет назад, в годовщину великой гибели солнца?

Или – еще за миллион лет до того, у горящего в ночи костра пещерного человека?

Или – в Британии друидов, под сссссвистящщщщие взмахи косы Самайна?

Или – в колдовской стае, мчась под средневековой Европой – рой за роем, ведьмы, колдуны, колдуньи, дьявольские отродья, нечистая сила?

Или – высоко в небе над спящим Парижем, где диковинные твари превращались в камень и оседали горгульями и химерами на соборе Парижской Богоматери?

Или – в Мексике, на светящихся тысячами свечей кладбищах, полных народу и крохотных сахарных человечков в El Dia Los Muertos – День мертвых?

А может, где-то еще?

Тысячи огненных тыквенных улыбок и вдвое больше тысяч только что прорезанных глаз – они горят, подмигивают, моргают, когда сам Смерч ведет за собой восьмерку охотников за сластями – нет, вообще-то их девять, только куда девался Пифкин? – ведет их за собой то в вихре взметенной листвы, то в полете за воздушным змеем, выше в небо, на ведьмином помеле – чтобы выведать и поведать тайну Праздничного дерева, тайну Кануна всех святых.

И они ее узнают.

– Ну-с, – скажет Смерч в конце странствий, – что это было? Сласти или страсти-мордасти?

– Все вместе! – решили мальчишки.

Сами увидите.

1

Это был маленький городок на маленькой речке возле мелкого озера в дальнем уголке одного из штатов Среднего Запада. Не так уж много было кругом деревьев, чтобы городок совсем было не видать. Зато и домов было не так уж много, чтобы за ними не было видно леса. В городке было полно деревьев. И вдоволь сухой травы и опавшей листвы – ведь на дворе уже стояла осень. И вдоволь заборов, по которым так здорово бегать, и дорожек, чтобы раскатываться по льду, а еще – громадный овраг, чтобы кубарем скатываться вниз или перекликаться с кем-то на то-о-ом берегу. И в городке было полным-полно…

Мальчишек.

И это было под вечер, накануне Дня всех святых.

В домах все двери крепко затворены от сквозняков.

И весь городок залит до краешка негреющим солнцем.

Но вдруг – дня как не бывало.

Откуда ни возьмись, выползли из-под каждого дерева ночные тени и все заполонили.

Во всех домах за запертыми дверьми поднялась кутерьма, беготня на носочках, мышиные шорохи, крики шепотом, замелькали летучие огоньки.

За одной такой дверью тринадцатилетний Том Скелтон остановился и прислушался.

Снаружи ветер гнездился в каждом дереве, подкрадывался по всем дорожкам сразу, незримый, как кошка-невидимка.

Тома Скелтона пробрала дрожь. Всякому ясно, что ветер нынче совсем особенный и темнота необыкновенная – потому что настает Канун всех святых. Кажется, что все вокруг вырезано из мягкого черного бархата или из золотого, из оранжевого бархата. Дымок поднимается из тысяч труб клубами – точь-в-точь, как плюмажи на упряжке в похоронной процессии. Из кухонных окон сочится двойной аромат, хорошо различимый: вот свежие тыквы, только что взрезанные, сочные, а вот пироги с тыквенной мякотью.

Крики за запертыми дверьми становились все отчаянней, а тени мальчишек метались за окнами. Еще не натянув до конца свои костюмы, размазывая по щекам жирную краску: вон там горбун, а вон – великан-недомерок. Все еще продолжался штурм и грабеж чердаков, замки сбивали, а древние бабушкины сундуки потрошили в поисках маскарадных нарядов.

Том Скелтон облачился в свой костяной доспех.

Он улыбался во весь рот, прилаживая позвоночник, грудную клетку, коленные чашечки – белые, нашитые на черный бархат.

«Вот повезло-то! – подумал он. – Удачное имя тебе досталось! Том Скелтон! Прямо к празднику! Тебя ведь все дразнят Скелетом! Значит, что тебе лучше всего надеть?»

Костюм Скелета!

Бам! Восемь входных дверей с грохотом захлопнулись.

Восемь мальчишек разом великолепными прыжками преодолели цветочные бордюры, перила, живые изгороди, кусты – и приземлились каждый на своем накрахмаленном морозцем газоне. На всем скаку, на бегу они заворачивались в простыню или поправляли наспех нацепленную маску, натягивали диковинные,

как шляпки невиданных грибов, шляпы или парики, орали во все горло вместе с ветром, толкавшим в спину, так что они неслись еще быстрее, во всю прыть, – какой славный ветер, ах ты! – выругав страшным мальчишечьим проклятием маску за то, что она съехала, или зацепилась за ухо, или закрыла нос, сразу заполнившись запахом марли и клея, горячим, как собачье дыхание. А может, просто дать волю бьющему через край восторгу – просто быть живым, бежать куда-то в этот вечер, набирая полную грудь воздуха и во все горло вопя, вопя… вопя-а-а-а!

Все восемь мальчишек столкнулись на одном перекрестке.

– А вот и я: Ведьма!

– Обезьяночеловек!

– Скелет! – сказал Том, едва не выпрыгивая от радости из своих костей.

– Горгулья!

– Нищий!

– Сам мистер Смерть![1 - В английском языке «смерть» – мужского рода.]

Блям! Они столкнулись и отлетели как мячики, никак не могли сразу распутаться, разобраться в веселой неразберихе рук и ног, под уличным фонарем. Фонарь на перекрестке раскачивался под ветром, гудя, как соборный колокол. Плиты уличного тротуара превратились в доски пьяного корабля, уходящего из-под ног, то поглощаемые тьмой, то выныривающие на свет.

Каждая маска скрывала мальчишку.

– Ты кто? – ткнул пальцем Том Скелтон.

– Не скажу! Тайна! – крикнула Ведьма петушиным голосом.

Все покатились со смеху.

– А это кто?

– Мумия! – крикнул мальчишка, запеленутый в пожелтевшие от старости тряпки и похожий на сигару, ковыляющую на одном кончике по ночной улице.

– А ты?

– Да некогда же! – завопил Некто, Скрытый за Таинственным Облачением из Расписанной Марли. – Сласти или страсти-мордасти!

– Урра-а!

С воем, визгом, воплями они неслись, как счастливые бесенята, куда угодно, только не по дорожкам, перелетая через кусты и приземляясь почти на спину перепуганным собакам, которые улепетывали с визгом.

Но вдруг они словно натолкнулись на что-то среди всего этого визга, хохота, лая, на полном скаку – словно гигантская ладонь ночи и ветра – предчувствия беды – накрыла их и остановила.

– Шесть, семь, восемь…

– Не может быть! Считай снова!

– Четыре, пять, шесть…

– Нас должно быть девять! Кого-то нет!

Они принюхивались друг к другу, как перепуганные зверята.

– Где Пифкин?

Как они догадались? Ведь все они скрывались за масками. И все же… и все же.

Они почуяли, что его с ними нет.

– Пифкин! Да он же тыщу лет не пропускал Канун! Вот ужас-то! Бежим!

Круто развернувшись, они побежали собачьей побежкой, рысцой, вдоль по мощенной камнем улице, словно листья, гонимые ураганом.

– Вот его дом!

Они встали как вкопанные. Дом-то и вправду Пифкина, только вот не хватает в окнах тыквенных голов, на крыльце – кукурузных снопов, маловато призраков, глазеющих сквозь темные стекла в самой высокой мансарде.

– Ой, – сказал кто-то, – а вдруг Пифкин заболел?

– Без Пифкина праздник – не праздник!

– Не праздник! – простонали все.

Тут кто-то бросил дикое яблочко в дверь дома. Оно тюкнуло еле слышно – будто кролик лягнул дверь лапкой.

Они стояли и ждали, невесть от чего погрустневшие, как в воду опущенные. Все их мысли были о Пифкине и о празднике, который может превратиться в гнилую тыкву с погасшей свечкой внутри, если только… если Пифкин не выйдет.

Где же ты, Пифкин? Выходи! Спасай наш праздник!

2

Почему они ждали, с какой стати их так перепугало отсутствие какого-то маленького мальчишки?

А потому что…

Джо Пифкин был самый замечательный мальчишка на всем свете. Самый мировой парень из всех, кто хоть раз сверзился с дерева или чуть не лопнул со смеху. Самый лучший друг из всех, кто мчался по беговой дорожке, оставляя

всех бегущих на милю позади, а потом, оглянувшись, вдруг спотыкался и шлепался на землю, поджидая, пока они с ним поравняются, и вместе, голова в голову, рвал грудью финишную ленточку. Самый славный выдумщик из всех: уж он всегда разведает все дома с привидениями в городе – а их ох как трудно вынюхать! – и всегда позовет ребят пошарить по подвалам, всласть полазать по обвитым плющом кирпичным стенам, покричать в жерла труб и пустить тугие струйки прямо с крыши – накричишься, навопишься, напляшешься, как обезьяна, до упаду… В тот день, когда Джо Пифкин появился на свет, все бутылки с пепси-колой и шипучим лимонадом во всем мире вышибли пробки и салютовали пенным залпом, а спятившие от радости пчелы роями носились по полям и лесам и вовсю жалили почтенных старых дев. На каждый его день рождения озеро в разгаре лета уходило от берегов и набегало обратной волной, полной мальчишек, которая взмывала вверх, подбрасывая ребятню, и расшибалась в визге и хохоте.

На рассвете, бывало, лежа в постели, слышишь, как птица стучится в окно. Пифкин.

Высовываешься из окна глотнуть прозрачного, как с горного ледника, рассветного воздуха летнего утра.

На газоне, посеребренном росой, кружево кроличьих следов даст тебе знать, что всего мгновение назад не десяток кроликов, а один-единственный кролик выплясывал здесь и выделывал коленца, выписывал кренделя и закладывал виражи от простой, немыслимой радости жить, в восторге скакал через изгороди, сшибал перья папоротника, топал по клеверу. Сеть следов напоминала переплетение рельсов на сортировочной станции. Миллион путей и дорожек в траве, но никого не видать. Где…

Пифкин?

Да вот же он, выглядывает, как дикий подсолнух в саду. Его славное круглое лицо светится, встречая солнце. А глаза сверкают, сигналя, как зеркала по азбуке Морзе:

– Торопись! Вот-вот все кончится!

– Что?

– Этот день! Сия минута! Уже шесть утра! Ныряй сюда! Окунись с головой!

Или:

– Да лето же! Не успеешь оглянуться – бах! – и ушло! Давай быстрей!

И он окунался обратно в подсолнухи, чтобы вынырнуть уже в луковицах, сплошняком.

Пифкин, милый ты наш Пифкин, самый настоящий, самый лучший из всех мальчишек.

Прямо непостижимо было, как он ухитрялся так быстро бегать. Его старые кроссовки едва держались. Когда-то белые, они набрались зелени в лесах, которые пришлось пробежать, побурели от прошлогодних осенних пробегов по сжатым полям в сентябре, а смоляные пестринки и разводы усеяли их после рейдов по причалам и пристаням, где разгружались баржи с углем, желтыми пятнами их украсили беззаботные собаки, и еще были они утыканы щепками и занозами от множества заборов и плетней. Одежда у него была под стать вороньему пугалу, ведь ее по ночам таскали друзья Пифкина – собаки, он им давал поносить, пофорсить – ясно, что все обшлага были изжеваны, а брюки в пыли и протерты на коленках.

А волосы? У него на голове шапкой стояли, щетинясь, как иглы у ежика, топорщась во все стороны, пестрые – каштаново-золотистые – вихры. Уши – чистый персиковый пушок. А руки – на них были словно перчатки из пыли и славного запаха псины, мятных леденцов и ворованных где-то за тридевять земель персиков.

Пифкин. Сгусток скоростей, запахов, фактур, таких разных на ощупь; копия и прообраз всех мальчишек, которые когда-либо мчались во всю прыть, падали, вскакивали и неслись дальше.

За все годы никто и никогда не видел его сидящим на месте. Невозможно было вспомнить, чтобы он просидел в школе, на своем месте, хотя бы час. Он последним прибегал в школу и первым вылетал из дверей, как ракета, под звон последнего звонка.

Пифкин, славный малый Пифкин.

Он умел издавать такие заливистые вопли, наяривал на губной гармошке и ненавидел девчонок больше, чем все ребята в его уличной команде, вместе взятые.

Это Пифкин, обняв тебя за плечи, нашептывал тебе в ухо про великие дела, ждущие вас в этот день, был твоей опорой и защитой от всего мира.

Пифкин…

Сам Бог старался встать пораньше, только бы увидеть, как Пифкин выскакивает из своего дома, будто апостол на башенных часах. А уж погода всегда стояла отличная везде, где был Пифкин.

Пифкин.

Они толпились перед его домом.

Вот-вот дверь одним махом распахнется.

Пифкин вылетит пулей в россыпи искр и клубах дыма.

И тогда праздник начнется взап-равду!

«Выходи, Джо, эй, Пифкин, – шептали они. – Давай выходи!»

3

Дверь дома отворилась.

Пифкин вышел на крыльцо.

Не вылетел. Не выскочил. Не вырвался, как из пушки. Вышел.

И пошел по дорожке навстречу друзьям.

Шагом. И без всякой маски! Без маски!

Он шел медленно, будто старик какой-то.

– Пифкин! – заорали они хором, стараясь спугнуть свой испуг.

– Привет, ребята, – сказал Пифкин.

Он был совсем бледный. Пытался улыбнуться, но глаза у него были какие-то странные. Одну руку он прижимал к правому боку, как будто у него там нарывает.

Они все уставились на его руку. Тогда он отнял руку от правого бока.

– Ну что, – сказал он каким-то тусклым голосом. – Готовы в поход?

– Мы-то готовы, а вот ты как? – сказал Том. – Заболел?

– Под праздник? – сказал Пифкин. – Шутишь?

– А где твой костюм?

– Вы идите, я вас догоню.

– Нет, Пифкин, мы лучше подождем, пока ты…

– Ступайте, – еле вымолвил Пифкин, бледный как смерть. Руку он снова прижал к боку.

– У тебя что, живот болит? – спросил Том. – А твои знают?

– Нет-нет, не могу я им сказать! Они… – Слезы брызнули из глаз Пифкина. – Да это пустяки, я же говорю! Идите прямиком к оврагу. К тому дому, ладно? К Дому с привидениями, поняли? Я там буду.

– Клянешься?

– Клянусь. Погодите, увидите, какой у меня костюм!

Мальчишки стали отходить. Уходя, каждый или трогал его за локоть, или легонько стукал в грудь, или нежно касался сжатым кулаком его подбородка, будто бы в драке понарошку.

– Ладно, Пифкин. Раз уж ты обещаешь…

– Обещаю, точно. – Он перестал держаться за бок. Лицо его залилось румянцем, как будто боль отпустила. – А ну, на старт! Внимание! Марш!

Когда Джо Пифкин крикнул «Марш!», они сорвались с места.

Они побежали.

Полквартала они пробежали задом наперед, не сводя глаз с Пифкина, который стоял и махал им рукой.

– Догоняй, Пифкин!

– Догоню-ю! – крикнул он им вслед из дальнего далека. И ночь поглотила его.

Они бежали вперед. А когда снова оглянулись, Пифкина было совсем не видать.

Они хлопали дверьми, кричали: «Сласти или страсти-мордасти!» – и их мешочки из коричневой бумаги уже начали наполняться несусветными вкусностями. Они бежали вприпрыжку, а зубы у них увязали в розовой жевательной резинке. Губы у них ярко горели, красные как кровь.

Да вот только все, кто открывал им дверь, были как две капли воды похожи на их собственных родителей – как леденцы, сыпавшиеся с конвейера на конфетной фабрике. Словно ты и вовсе из дому не выходил. Каждое окно, каждая дверь заливали их добротой, как сиропом. А им хотелось услышать рев драконов в подземелье и скрежет подъемных мостов в замках.

Таким образом они, оглядываясь – не идет ли Пифкин? – дошли до самых окраин города, где цивилизация уступала место темноте.

Овраг.

Овраг, в глубине которого таились неисчислимые ночные шорохи, змеились ручьи и речонки чернее чернил, копились сокровища каждой осени, что прокатилась вся в золоте и багрянце – за целую тысячу лет… Эта глубокая трещина в земле порождала мухоморы и поганки, и холодных, как галька, лягушек, и мокриц, и пауков. Там, в черной яме, начинался длинный подземный ход, где сочились отравленные воды, а эхо бесконечно перекликалось, звало: «К нам – к нам – к наммм», – а уж если ты замешкался, то навеки останешься здесь, навсегда, в шорохе, перестуке, перебежках, перешептываниях, и не вырвешься никогда, ни-ко-гда…

Мальчишки столпились на краю бездны, заглядывая вниз.

Как вдруг Том Скелтон, продрогший до костей в своем скелетном костюме, со свистом втянул воздух сквозь зубы – так свистит сквозняк, ночью, за ширмой в спальне. Он вытянул руку, показывая:

– Эй, вот куда Пифкин велел нам бежать!

И он исчез.

Все смотрели вслед. Они видели, как маленькая фигурка побежала по тропке и нырнула в сто миллионов тонн ночной тьмы, сгустившейся в этой бездонной пропасти, в этом сыром погребе, в чудесной, жуткой глубине оврага.

Они бросились следом, крича во все горло.

Обрыв, где они только что стояли, обезлюдел.

А город остался позади, наслаждаться собственной сладенькой жизнью.

4

Они мчались вниз на дно оврага быстрой стайкой, с хохотом, толкотней, словно сплошь состояли из локтей и коленок, фыркая и задыхаясь от смеха, и затормозили, налетев друг на друга, когда Том Скелтон встал как вкопанный и показал куда-то вверх, за крутой тропкой.

– Вон там, – прошептал он. – Там стоит единственный дом, который надо навестить в Канун всех святых! Вон!

– Ага! – сказали все.

Потому что он сказал правду. Дом был необыкновенный, старинный, высокий и темный. В нем было, наверное, не меньше тысячи окон, и в каждом мерцали холодные звезды. Казалось, что дом высечен из черного мрамора, а не сложен из бревен, а уж внутри… кто угадает, сколько там комнат и залов, коридоров, чердаков? Чердаки высокие и пониже, на разных уровнях, и с разными потолками – в некоторых накопилось больше пыли, паутины и иссохшей листвы – а может, и золота, насыпанного в тайник, так высоко взмостившийся в небо, что в целом городе не найдешь приставной лестницы, чтобы дотуда достала.

Дом манил своими башенками, приглашал плотно закрытыми дверьми. Конечно, пиратские корабли – это здорово. Старинные крепости – просто блаженство. Но дом – Дом с привидениями, да еще в Канун всех святых! Восемь мальчишеских сердец колотились от восторга и восхищения.

– Пошли!

Но они уже бросились наперегонки по тропке. Вот они уже стоят перед полуразвалившейся стеной, глядя вверх – выше – еще выше, – где старый высокий дом венчает крыша, похожая на кладбище. Ни дать ни взять – кладбище. Острый гребень крыши, как хребет горы, топорщился какими-то черными костями или железными прутьями, а трубы, как надгробия,

громоздились рядами – трубы, готовые дохнуть дымом из трех дюжин каминов, одетых сажей и таящихся далеко внизу, в загадочном чреве этого драконского дома. Утыканная множеством труб, крыша походила на обширный погост, и каждая труба отмечала место погребения какого-нибудь древнего божества огня или заклинательницы танцующего дыма и пара, властительницы огненных светлячков-искр. Да вот, прямо у них на глазах из четырех дюжин дымоходов вылетело по облачку сажи, и от этого вздоха небо стало еще чернее, а некоторые звезды исчезли из виду.

– Здорово! – сказал Том Скелтон. – Пифкин знал, о чем говорил!

– Здорово! – согласились все.

Они подкрадывались все ближе по дорожке, заросшей бурьяном, к покосившемуся крыльцу.

Том Скелтон, опередив всех, тихонько нащупал тощей скелетной ногой первую ступеньку. У всех прямо дух захватило от такой смелости. Но вот уже плотная кучка ребят, словно одно разгоряченное существо, вскарабкалась на крыльцо, и под ногами скрипуче застонали доски, и всех пробрала дрожь. Каждый в отдельности готов был повернуться и дать стрекача, но повсюду натыкался на другого – и сзади, и спереди, и по бокам. В потной тесноте эта многоножка двигалась, выпуская, как амеба, то одну, то другую ложноножку наугад, качаясь, пускаясь бегом, пока не остановилась прямо перед входной дверью, высокой, как гроб, только в два раза тоньше.

Они простояли там нескончаемое мгновение; время от времени из общей массы, похожей на громадного паука, высовывалась рука, как лапка, пытаясь дотянуться до дверного молотка на этой двери. А тем временем доски деревянного крыльца уходили из-под ног, колыхались под их общей тяжестью, грозя при малейшем нарушении равновесия ухнуть вниз, унося их в бездну, кишащую тараканами. Доски, каждая на своей ноте – до! – ми! – соль! – тянули свою жуткую песенку под грубыми ботинками, стоило только двинуть ногой. Хватило бы времени и будь это среди дня, уж мальчишки отчебучили бы похоронный марш или скелетную чечетку – кто в силах устоять перед разваленным крыльцом, которое только и ждет, как великанский ксилофон, чтобы по нему хорошенько попрыгали?

Но это им и в голову не пришло.

Генри Хэнк Смит (это был он), кутаясь в черные одеяния Ведьмы, закричал:

– Глядите!

И все воззрились на дверной молоток. Том протянул дрожащую руку, не решаясь притронуться к нему.

– Молоток-Марлей!

– Что-что?

– Да помните, Скрудж и Марлей в «Рождественских повестях»[2 - Произведение Чарлза Диккенса.], – прошептал Том.

И вправду: голова на дверном молотке оказалась лицом человека, у которого жутко болят зубы, с подвязанной челюстью, встрепанной шевелюрой, оскаленными зубами и одичалым от боли взглядом. Да, это был Марлей, мертвый, как дверной гвоздь, приятель Скруджа, жилец загробных пределов, осужденный вечно скитаться по земле до тех пор, пока…

– Стучи, – сказал Генри Хэнк.

Том Скелтон взялся за холодную ужасную челюсть старины Марлея, поднял, отпустил. Все вздрогнули от удара!

Весь дом заходил ходуном. Его кости затрещали, застучали друг о друга. Портьеры разверзли зловещие зеницы, так что подслеповатые окна широко раскрыли свои злые глаза.

Том Скелтон, как кошка, перепрыгнул через перила крыльца и посмотрел вверх. На гребне крыши завертелись диковинные флюгера. Двуглавые петухи поворачивались под каждым чихом ветерка. Из двойного водостока, пасти горгульи на западном углу крыши, вылетели одно за другим облака пыли. И долго после того, как чиханье и кряхтенье затихли, а петухи перестали вертеться, по змеящимся водосточным трубам вдоль всего дома шуршали

остатки осенних листьев и пыль с паутиной, пока не высыпались на темную траву.

Том быстро повернулся, посмотрел на дрожащие мелкой дрожью оконные стекла. Лунные блики трепетали в стеклах, как стайки напуганных серебристых мальков. Входная дверь дрогнула, ручка сама собой повернулась. Марлей-молоток скорчил рожу, и дверь распахнулась.

Оттуда дунул такой ветер, что чуть не снес мальчишек с крыльца. Они заорали, вцепились друг в друга.

А потом тьма, затаившаяся в доме, втянула воздух одним вдохом. Ветер понесся вспять в зияющую пасть дверного проема. Он стал засасывать мальчишек, втягивать их, волоча по крыльцу. Им пришлось откинуться назад, чтобы черное, бездонное чрево не заглотнуло их. Они барахтались, кричали, цеплялись за перила. Но вдруг ветер стих.

В глубине тьмы двигалось что-то темное.

В самом нутре дома, далеко-далеко, кто-то двинулся к двери. Кто бы он ни был, одет он был во все черное – виднелось только расплывчатое бледное лицо, словно плывущее по воздуху.

Недобрая улыбка приблизилась и повисла в воздухе перед ними.

Позади улыбки едва виднелся силуэт высокого человека. Теперь они видели его глаза – зеленые огоньки, как точки в узких обугленных ямках глазниц, глядящие на них в упор.

– Это… – сказал Том. – Э-э… Сласти или страсти?

– Страсти? – ответила из темноты улыбка. – Сласти?

– Да, сэр.

Ветер сыграл где-то в трубе музыкальную фразу, словно на флейте, старую песню о времени, о темноте, о далеких далях. Высокий человек защелкнул свою

улыбку, как перочинный ножик, блеснувший лезвием.

– Никаких сластей, – сказал он. – Только страсти-мордасти!

И дверь ка-ак хлопнет!

По всему дому прокатился гром, обрушивая лавины пыли.

И снова прах и пыль вырвались из водосточных труб, как спугнутые пушистые кошки.

Открытые окна дохнули пылью. Пыль пыхнула из-под ног у ребят сквозь щели в досках.

Мальчишки смотрели на запертую, крепко захлопнутую входную дверь. Марлей-молоток уже не кривился от боли, а злорадно ухмылялся.

– То есть как это? – спросил Том. – Не сласти, а только страсти-мордасти?

Они отступали за угол дома, с удивлением прислушиваясь к звукам, которые издавал этот дом. Он наполнился несвязным шепотом, писком, скрипом, стонами и ропотом, а ночной ветер старательно доносил до слуха мальчишек каждый шорох. Стоило им ступить шаг, как древний дом клонился над ними, еле слышно постанывая.

Они обогнули дальний угол дома и остановились.

Потому что увидели Дерево.

Ничего подобного они не видывали за всю свою жизнь.

Оно высилось посередине широкого двора перед страшным и чудесным домом. Это Дерево достигало в вышину футов сто, не меньше, оно раскинуло выше гребня крыши свою круглую, широкую, многоветвистую крону, сплошь одетую в богатейший наряд из багряных, бурых, желтых осенних листьев.

– Ой, – еле слышно сказал Том. – Смотрите! Там, наверху!..

Потому что Дерево было увешано множеством тыкв, любого размера и формы, всех цветов и оттенков, от тускло-золотистого до ярко-оранже-вого.

– Тыквенное дерево, – сказал кто-то.

– Да нет, – сказал Том.

Ветер пролетел среди высоких ветвей и легонько качнул яркие украшения.

– Праздничное дерево, – сказал Том. – Дерево всех святых.

Он нашел верное слово.

5

Тыквы на Дереве были не простые. На каждой было вырезано лицо. И ни одно лицо не было похоже на другое. Один глаз был диковиннее другого. Один нос – странноватее другого. И каждый рот кривился собственной, особенной жутковатой улыбкой.

Пожалуй, на этом Дереве было развешано тысяча тыкв, на самой высоте, на каждой веточке. Тысяча улыбок. Тысяча гримас. И дважды по тысяче свежевырезанных глаз глазели, моргали, косились оттуда.

Мальчишки глазели тоже, и у них на глазах произошло чудо.

Тыквенные рожицы стали оживать.

Начиная с нижних ветвей Дерева и самых близко висящих тыкв в их сырой кожуре стали одна за другой вспыхивать свечки. Вон там – и там – и тут – и еще – все дальше, все выше, обегая всю крону: три тыквы тут – семь тыкв повыше – дюжина, кучкой – на той стороне, сотня – пять сотен – тысяча тыкв затеплили свои свечки, иными словами – осветили свои рожицы, огонь засверкал в их квадратных, круглых или диковато раскосых глазах. Огонь заструился из их

зубастых ртов. Из вырезанных в спелой мякоти ушей полетели снопы искр.

И откуда-то донеслись два голоса – а может, три или четыре, они шептали, напевали что-то вроде детской песенки или колыбельной, убаюкивая небо, и время, и землю, усыпляя все вокруг. Жерла водосточных труб выдыхали тончайшую паутинную пыль:

Вот такой высоты, вот такой широты…

Голосок вылетал дымом из высокой трубы:

Вот такой широты, вот такой красоты…

На Канун всех святых…

Откуда-то из открытых окон летели паутинки:

До небес и до звезд поднялось во весь рост…

Нет, не видывал ты Древочудищ таких,

Как в Канун всех святых!

Свечи мерцали, огоньки трепетали и ярко вспыхивали. Ветер тихим дуновением, влетая в тыквенные рты и вылетая обратно, выпевал протяжную песню:

Прошел и умер старый год, но озаряет

небосвод

Костром из листьев золотых

Оно во славу всех святых!

Неси осенний урожай, созвездья

свечек зажигай!

Том вдруг почувствовал, как губы у него засуетились, словно мышки, нетерпеливо норовя подхватить песенку:

Свечи сверкают, а звезды горят,

Опавшие листья летят и шуршат,

Улыбаются тысячи тыкв с высоты,

На Канун всех святых!

Вот Ведьма смеется,

Ухмыляется Кот,

Там оскалился Зверь,

Хохоча во весь рот,

И с улыбкою Жнец свою плату

берет…

Здравствуй, День всех святых –

Новый год,

Новый год!

Тому казалось, что изо рта у него змеится дымок:

– День всех святых…

И все мальчишки шепотом вторили:

– Всех святых…

Потом наступила тишина.

И в этой тишине засветились последние свечки на Праздничном дереве – по три, по четыре за раз, образуя гигантское звездное скопление, вплетенное в космы черных веток и сучьев, проглядывающее украдкой сквозь ветви и чеканные сухие листья.

Теперь все Дерево стало единой необъятной многомерной Улыбкой.

Горели все тыквы, все до одной. Вокруг Дерева распространилось теплое дыхание позднего лета. Ребят обволакивал дымок с привкусом копоти и свежий запах тыквенной плоти.

– Ух ты, – сказал Том Скелтон.

– Видали местечко, а? – спросил Генри Хэнк, Ведьма. – Мало этого дома и типа с разговорами про «страсти-мордасти», тут еще и… Я такого дерева в жизни не видел. Вроде новогодней елки, только куда больше, а тыкв и свечек – видимо-невидимо! Что бы это значило? Что за празднество?

«Празднество!» – донесся откуда-то мощный шепот – то ли из луженных сажей глоток дымовых труб, то ли все окна в доме разом разинулись у них за спиной – вверх-вниз, вверх-вниз, выдыхая вместе с темнотой слово «Празднество!».

– Да-сс… – прошелестел великанский шепот, от которого заметались огоньки в тыквах, – празднесство…

Мальчишки так и взвились в воздух, оборачиваясь лицом к дому.

Но дом хранил безмолвие. Окна были закрыты наглухо и до краев налиты лунным светом.

– Кто отстанет – теткой станет! – вдруг завопил Том. Их ждали золотые копны осенней листвы, как тлеющие уголья, как странный клад, несметные богатства.

И мальчишки бросились со всех ног к этой громадной, чудесной куче листвы – сокровищнице осени.

Но в тот момент, когда они уже готовы были нырнуть с головой в шуршащие, роящиеся листья, толкаясь, вопя, крича, сбивая друг друга с ног, вдруг прозвучал какой-то исполинский вдох, словно кто-то огромный заглотнул массу воздуха. Мальчишки взвизгнули, рванулись назад, как будто под ударом невидимого бича.

Потому что над кучей листвы поднималась белая костяная рука, сама по себе.

А за ней, улыбаясь во все зубы, вынырнул до того невидимый белый череп.

И эта манящая, волшебная перина из листьев дуба, тополя и вяза, в которой они так мечтали повозиться, покататься, утонуть с головой, теперь стала для мальчишек страшнее всего на свете. Белая костяная рука парила в воздухе. А белый череп все поднимался и поднимался, качаясь перед ними.

И ребята отшатнулись, налетая друг на друга, забывая дышать, всхлипывая от ужаса, пока не свалились в барахтающуюся кучу-малу, отчаянно стараясь вырваться, цепляясь за траву, норовя удрать.

– Спасите! – кричали они.

– Как же, спасите, – сказал Череп. Раскаты дикого хохота пригвоздили их к месту, а рука, висящая в воздухе – костлявая рука скелета, – протянулась вверх, сграбастала белый оскал черепа и содрала его, как кожуру с апельсина!

Мальчишки только сморгнули за глазницами своих масок. У них и челюсти отвалились, только этого никто не видел.

Из вороха листвы вздымался, как воздушный шар, высоченный человек в черном плаще, он рос и рос все выше. Он рос как дерево. Он выбросил сучья – руки. Он стоял на огненном фоне самого Праздничного дерева, так что его распростертые руки, длинные белые костяные пальцы были словно увешаны гирляндами оранжевых огненных шаров, гроздьями пламенных улыбок. Глаза он зажмурил, заходясь от громоподобного хохота. Из широко разверстого рта вырывался осенний вихрь.

– Никаких сластей, ребятки, нет, никаких сластей! Страсти, ребятки, страсти! Страсти-мордасти!

Они лежали ни живы ни мертвы, ожидая землетрясения. И оно разразилось. Громовой смех великана расшатал и потряс землю. И эта дрожь, пробрав их до самых костей, словно вышибла из них дух. И вырвалась – взрывами смеха!

Мальчишки сидели среди разворошенной кучи листьев вне себя от удивления. Они даже пощупали руками свои маски, ощутили, как теплый воздух толчками

вылетает изо рта – они заразились хохотом!

Они подняли глаза на человека в черном, словно стараясь оправдать свое удивление.

– Ну да, ребятки, вот они, вот они, страсти-то! Вы что, позабыли? Да нет, вы ничего и не знали!

И он прислонился к Дереву, все еще покатываясь со смеху, да так, что весь ствол затрясся, вся тысяча тыкв заплясала, а огоньки внутри них запрыгали, обрамляясь дымом.

Отогревшись собственным смехом, мальчишки стали вставать, ощупывая себя – все ли кости целы. Все были целы. Они сгрудились маленькой стайкой под Праздничным деревом в ожидании – потому что поняли, что это всего лишь начало новых, поразительных и чудесных событий.

– Ну и что? – сказал Том Скелтон.

– Что, Том? – сказал человек.

– Том? – загалдели все. – Так это ты?

Том, одетый Скелетом, окаменел.

– Ну, может, Боб или Фред, да нет, это, должно быть, Ральф, – поспешно вмешался незнакомец.

– Все вместе! – выдохнул Том с явным облегчением, покрепче прилаживая маску.

– Ага, все вместе! – откликнулись все хором.

Человек кивнул, улыбаясь:

– Ну ладно! Теперь вы узнали про Канун всех святых что-то, чего не знали раньше. А как вам понравились мои страсти-мордасти?

– Страсти, да, страсти!

Мальчишки загорелись восторгом. Он словно высушил в их суставах нежные хрящики добродетели и подсыпал щепотку праха, греха и соблазна в их кровь. Они чуяли, как от этой радости, куролесящей внутри, загорелись их глаза, а губы растянулись в улыбке, как у веселых щенят.

– Ну да, точно!

– А вы всегда это устраивали на Канун всех святых? – спросил мальчишка-Ведьма.

– И это, и еще много чего. Однако не пора ли мне представиться? Мое имя – Смерч. Череп-Да-Кости Смерч. Ну, как звучит, ребятки? Звучное имя, не правда ли?

Еще какое звучное, подумали мальчишки, еще как звучит, ого!

Смерч!

– Благородное имя, красивое имя, – сказал мистер Смерч, придавая голосу гулкий, загробный тон погребального колокола. – И прекрасная ночь. И вся темная, таинственная, бурная и древняя история Кануна всех святых изготовилась проглотить нас живьем!

– Проглотить?

– Да! – воскликнул Смерч. – Ребята, посмотрите-ка на себя. Вот ты, паренек, почему ты нацепил маску Череп? А ты, мальчик, тащишь с собой косу, а ты вырядился Ведьмой? А ты, и ты, и ты! – Он тыкал костлявым пальцем в каждого ряженого. – Что, не знаете? Просто напялили эти маски, натянули старые, пропахшие нафталином костюмы и пошли куролесить, но по правде-то вы ничего не знаете, так?

– Ну… – протянул Том, робкий, как мышка, за белой маской черепа. – Вообще-то… не знаем.

– Да-а… – сказал мальчишка-Чертенок. – Если подумаешь – чего это я так вырядился?

И он пощупал свой красный плащик, дотронулся до острых резиновых рожек, провел пальцами по отличным вилам.

– А я – вот так, – сказал Призрак, размахивая своим белым просторным похоронным саваном.

И все мальчишки, пораженные и удивленные, трогали свои костюмы и получше прилаживали маски.

– Вот было бы здорово узнать, что к чему, а? – спросил мистер Смерч. – Я вам расскажу! Нет, лучше покажу! Хватило бы времени…

– Да сейчас только полседьмого. Канун всех святых даже и не начинался! – сказал Том-в-своих-продувных-косточках.

– Верно! – сказал мистер Смерч. – Ладно, ребятки, за мной!

Он зашагал прочь. Им пришлось бежать за ним.

На краю глубокого, темного, ночного оврага он показал вдаль, за горизонт, за окоем холмов и земли, куда не достигал свет луны, где царил лишь тусклый свет незнакомых звезд. Ветер раздувал его черный плащ, капюшон, покрывавший голову, отодвинулся, и стало видно белое лицо, почти лишенное плоти.

– Вон там, видите, ребятки?

– Что?

– Неведомая Страна. Там, за горизонтом. Глядите хорошенько, глядите долго, глядите досыта. Устройте себе пир. Там Прошлое, мальчики, Прошлое. О да, оно полно страшных тайн и темных ужасов. Все, что породило Канун всех святых, схоронено там. Хотите раскопать старые кости, ребятки? Не сдрейфите?

Он обратил к ним горящий взгляд:

– Что такое – Канун всех святых? С чего все пошло? Где началось? Зачем? Чего ради? Ведьмы, кошки, мумии, прах, привидения. Все это там – в той стране, откуда никто не возвращается. Рискнете нырнуть в этот океан тьмы, ребята? Хотите взлететь в черное небо?

Мальчишки проглотили комок, застрявший в горле.

Кто-то пискнул:

– Мы бы рады, да вот Пифкин… Мы обещали ждать Пифкина.

– Ну да, Пифкин нас сюда послал. Мы без него – никуда.

И словно в ответ на их слова на том берегу пропасти раздался слабый крик.

– Эй! Я здесь! – отозвался тонкий голосок.

Они увидели крохотную фигурку с зажженной тыквой в руке, стоящую на дальнем краю оврага.

– Сюда! – закричали все в один голос. – Пифкин! Давай сюда!

– Бегу-у! – донеслось до них. – Расклеился я что-то. Но раз обещал, надо идти. Ждите!

6

Они видели, как он, маленький, бежит вниз по тропинке на склоне оврага.

– Подождите, пожалуйста, подождите… – Голос срывался, дрожал. – Мне совсем плохо… Бежать не могу… Не могу…

– Пифкин! – кричали все, махая ему сверху, с обрыва.

Его фигурка казалась такой маленькой, крохотной, жалкой. Повсюду клубились тени. Метались летучие мыши. Ухали совы. Вороны, чернее ночи, облепляли деревья, как черная листва.

Маленький мальчишка бежал со всех ног с горящей тыквой и вдруг – упал.

– Ох, – дохнул Смерч.

Свечка, горевшая в тыкве, погасла.

– Ох! – простонали все.

– Зажигай свою тыкву, Пиф, зажигай скорей! – крикнул Том.

Ему казалось, что он видит маленькую фигурку, шарящую в черной траве, в непроглядной тьме, старающуюся чиркнуть спичкой. Но в этот короткий миг тьмы ночь вступила в свои права. Над пропастью простерлось необъятное крыло. Хором заухали, захохотали совы. Сотни мышей забегали, юрко шурша среди теней. Где-то случился миллион лилипутских убийств.

– Зажигай тыкву, Пиф!

– Помогите!.. – простонал жалобный голосок.

Тысяча крыльев рванулись в полет. Где-то в небе громадная тварь била крыльями по воздуху, как гулкий барабан.

Облака, как полупрозрачные задники в театре, раздвинулись, открывая небо. Там висела луна, великанский круглый глаз.

Он уставился вниз, на…

На пустую тропинку.

Пифкина нигде не было.

Далеко-далеко, на горизонте, что-то мелькнуло темным лоскутком, заметалось, унеслось прочь с холодным ветром.

– Помоги-те! По-мо-ги-те… – Голосок заглох.

И все пропало.

– Ох ты, – загробным голосом сказал Смерч. – Плохо дело. Боюсь, что Нечто унесло его с собой.

– Куда, куда? – бормотали мальчишки, у них от холода зуб на зуб не попадал.

– В Неведомую Страну. В то Царство, которое я хотел вам показать… Да только теперь…

– Вы что, хотите сказать, что Это, Оно – или Он – там, в овраге, что это Нечто было – Смерть? Оно схватило Пифкина – и смылось?

– Скорее похитило, я бы сказал, взяло в заложники, может, чтобы получить выкуп, – ответил Смерч.

– А разве Смерть так… делает?

– Случается и так.

– Вот беда… – Том почувствовал, как на глаза навернулись слезы. – Пиф еле бежал, и весь бледный… Пиф, зачем ты сегодня вышел из дому! – крикнул он прямо в небо, но там ничего не было, кроме ветра, несущего облака, как клочки белого руна, ветра, текущего, как прозрачная река.

Они стояли, дрожа, замерзая. Они глядели вслед тому Черному Нечто, которое умыкнуло их друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В английском языке «смерть» – мужского рода.

2

Произведение Чарлза Диккенса.

Купить: https://tellnovel.com/rey-bredberi/kanun-vseh-svyatyh

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити